

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

Вспоминая Мансура...

*Мы все уходим, чтоб назад вернуться,
Друзей найти и прошлого коснуться.
Но нет друзей былых, у них иные лица,
И прошлое вовек не возвратится...*

Он звонил обычно по вечерам и после привычного приветствия, почти без паузы, как будто стараясь удержать в ладонях ускользающее чудо, немножко заговорщицким тоном, словно незаметно подмигивая на том конце провода, весело спрашивал: «Хочешь первой услышать новое стихотворение?» Ещё бы я не хотела! И мне, конечно же, жутко льстило – оказаться первой слушательницей строк, которые только-только выплыли из его Глубин и, может быть, даже ещё не успели лечь на бумажный лист. Тогда наш недолгий диалог выходил за пределы положенных и ожидаемых слов. Иногда даже похвала бывает неуместной. Настоящая поэзия не нуждается в одобрении, как выглянувшее из-за туч солнце... Я слушала, затаив дыхание, боясь пропустить даже нотку в его голосе... Всё было важно, даже интонация...

Он никогда не задавал вопросов, чтобы осмыслить то, что рассудку не предназначалось, и умел слушать сердцем, не перебивая. И отвечал всегда ёмко, точно, немногословно, сразу переходя к сути. Наверное, благодаря именно его поддержке я не забросила писать, когда темы, которые когда-то волновали и «мурашили», вдруг почти сразу исчерпали себя и стали мне не интересны. Он сумел найти, подобрать нужные фразы, которых мне тогда, видимо, не хватало, чтобы сказать их самой себе, и помог мне пережить эту внезапно обрушившуюся на меня паузу душевной пустоты. Поддерживал, пока я благополучно не доплыла до другого берега. Такого мощного, вдохновляющего потока веры в меня, такого количества добрых и тёплых слов о моём творчестве я никогда ни от кого не слышала ни до, ни после. Он был щедр на комплименты...

Его характеристики и оценки отличались такой поразительной точностью, таким попаданием «в яблочко», что даже не возникало желания спорить. Он мог убедить всего одним замечанием, которое сразу обезоруживало и заставляло согласиться, не вступая в спор.

Он смотрел на мир глазами Поэта и умел всего одной строчкой остановить мгновенье. Мне нечего к этому прибавить. За него и за меня говорят его стихи. Он был Мастером и мог из обычных слов творить маленькие шедевры, словно выкладывал особенной красоты мозаичные картины из простых стёклышек повседневных житейских мелочей.

И он, несомненно, был Мужчиной в самом прекрасном смысле этого слова. За долгие годы личного общения он ни разу не сказал ни о ком дурного слова. Но я всегда чувствовала его отношение к человеку по особому прищурю глаз, по едва заметной усмешке, по изменившемуся тону его голоса. Всё было ясно без слов. Он никогда не опускался до колкостей, до сарказма, тем более до резкого осуждения даже тех, чьих слов и поступков он не одобрял. Он обладал великодушием, тем редким человеческим качеством, которое свойственно столь немногим. Каждого старался оправдать, сразу включая щадящий юмор или меняя тему разговора.

Помню историю, которая царапиной осталась в душе. Одна поэтесса, наша общая знакомая, видимо, страдающая от своей недооценённости, попыталась однажды в моём присутствии пройти по нему и по его стихам. Я категорически отказалась её слушать, за что она потом проехала и по мне тяжёлым катком своего языка. Но дело даже не в ней: спустя пару дней в разговоре со мной он неожиданно вспомнил об этой даме и начал так искренне, почти по-детски восхищаться каким-то её стихотворением, что я невольно опустила глаза, вспомнив реакцию на него со стороны той, о ком он говорил сейчас восторженно и горячо. Он как будто искал причину, чтобы выразить своё восхищение человеком и лучшими проявлениями его натуры.

Картина нашего знакомства и по сей день стоит у меня перед глазами... Дело в том, что самый первый мой рассказ ему принёс мой муж, сославшись на катастрофическую занятость автора. На самом деле я сама просто никак не могла решиться отнести своё творение на суд профессионалу, боясь жёсткой критики и полного разноса, поэтому эту разведывательную миссию поручила мужу, посчитав, что ему легче будет принять предполагаемый удар на себя. Но, к моему тогдашнему немалому удивлению, рассказ был принят и опубликован почти сразу, и к тому же без единой поправки. Но смелости это мне ничуть не прибавило, поэтому со вторым рассказом я поступила точно так же, как с первым, упорно продолжая прятаться за широкой спиной мужа. И только с третьим отважилась заявиться в редакцию «живьём».

Он даже привстал из-за стола, чтобы меня рассмотреть. И всё время нашей беседы я чувствовала в его пристальном изучающем взгляде какой-то невысказанный подтекст. За этим особенным вниманием скрывалось нечто большее, чем обычное человеческое любопытство. Он словно меня испытывал, проверял, сканировал.

Тогда я так и не поняла, чем вызвано такое явное сосредоточение на моей скромной персоне. Всё прояснилось лишь спустя несколько лет, когда он признался, что вначале был абсолютно убеждён в том, что рассказы написал мой муж, ловко прикрывшись женским псевдонимом, чтобы обезопасить себя от возможных насмешек в свой адрес, а вечно занятую жену, которую никто никогда в глаза не видел, просто выдумал для прикрытия. Поэтому моё появление было для него полной неожиданностью, и он хотел убедиться, та ли я, за кого себя выдаю. Но наш разговор развеял его сомнения, и он понял, что автором была всё-таки я, а не мой муж, который, по его мнению, оказался настоящим классическим технарём, но никак не гуманитарием.

Ему нравилось находить и открывать новые таланты. Он искренне радовался своим «находкам», говоря о них с такой гордостью, с таким воодушевлением... Помнил каждого и каждую поимённо...

Иногда он звонил мне, чтобы спросить, почему так надолго исчезла и ничего не приношу для его «литературного портфеля» (он именно так выражался). И при этом непременно добавлял: «Есть люди, которые ждут. И для них это важно». Я смеялась в ответ, считая это хитрым ходом с его стороны, чтобы меня подзадорить и подстегнуть. И тогда он начинал называть конкретные имена, чтобы убедить в том, что он не выдумывает и не обманывает меня, как ребёнка, который ленится делать уроки.

Каждый его звонок был для меня сюрпризом, сулящим новое стихотворение. Он делился строчками, которые звучали в нём, желая вырваться наружу, чтобы быть услышанными. Ведь для этого они и приходили к нему. Он никогда не упускал возможности сообщить о том, что гонорар уже поступил, ему очень хотелось обрадовать меня и создать ощущение праздника. Чувствовал, как меня это радовало. А может, просто стимулировал, подгонял, зная о моей привычке писать «в стол»...

Наверное, это прозвучит смешно и даже нелепо, но именно он убедил меня собрать документы и подать заявление в Союз писателей. Я робела, смущённо отнекивалась, считая, что пока не доросла, а он, чувствуя моё сопротивление, позвонил мужу, чтобы он повлиял на меня, – и, конечно, добился своего...